

КРИМИНАЛЬНЫЕ РОМАНЫ

**АЛЕКСАНДРА
МОЛЧАНОВА**

А Л Е К С А Н Д Р
МОЛЧАНОВ

ГАЗЕТЧИК

Настоящий русский нуар

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М76

Оформление серии *Сергея Власова*

Фото автора на переплете — *Эмма Леам*

Молчанов, Александр Владимирович.

М76 Газетчик : [роман] / Александр Молчанов. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 224 с. — (Русский нуар. Криминальные
романы А. Молчанова).

ISBN 978-5-04-089940-1

1996 год. Журналист областной газеты приезжает в северный поселок, чтобы написать о загадочном исчезновении школьницы, и обнаруживает целый мир — со своими мировыми обидами, мировыми войнами и совсем не мирными сказками. Здесь, в настоящей России, все наизнанку: слово насыщает, как яблоко, от снов загораются дома, а убитые выходят из огня, чтобы отомстить обидчикам. Редакционное задание превращается в охоту, и газетчик уже сам не знает, кто он — преступник, жертва или сказочник.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089940-1

© Молчанов А.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

1996 год

Над трассой Москва – Архангельск клубилось жидкое горячее марево. Солнце стояло так высоко, насколько оно вообще забирается в этих широтах. Сержант ГАИ Олег Малышев сидел на капоте желто-синей милицейской «копейки», жевал травинку и смотрел на дорогу. Как человек, родившийся и выросший на севере, он всегда с подозрением относился к солнечным дням. В такой день в любой момент мог подуть ветер со стороны Шиченгского озера и пригнать тучи с дождем. Его отец называл это направление: «гнилой угол». Дожди и снегопады всегда приходили оттуда, из гнилого угла.

Ненадежность и обманчивость солнечного дня нервировали Малышева. Как назло, на трассе никто не появлялся уже несколько часов, и найти успокоение в привычной работе у Малышева не получалось.

Где-то рядом послышался гул. Как будто подлетал самолет. Малышев лениво взмахнул и поймал толстого желтобрюхого овода. Откусил размусоленный конец травинки, воткнул в полосатое брюхо и отпустил на волю. Овод с травинкой в брюхе медленно полетел в сторону трассы и скрылся в мареве.

А навстречу так же медленно выехала серебристая «Волга». Малышев встал и отряхнулся. Если бы транспорт двигался в сторону города, поживиться было бы особо нечем, разве что ведром

брусники. А машина из города — это, скорее всего, дачник, а то и браконьер. Как повезет.

Малышев встал на обочине, широко расставив ноги, и спокойно смотрел на трассу. Он совершенно не торопился, а когда серебристая «Волга» почти поравнялась с ним, медленно поднял руку с жезлом и показал на обочину — туда, где «Волга» должна была встать. Он ничуть не сомневался, что машина послушается.

«Волга» действительно снизила скорость и остановилась. Но что-то было не так. Траектория ее движения чуть-чуть не совпала с траекторией движения малышевской руки. Водитель нажал на тормоз чуть позже, чем было нужно, и машина проехала чуть дальше, чем должна была. Всего на несколько метров, но теперь Малышеву нужно было пройти эти несколько метров, чтобы оказаться рядом.

В этом не было нарушения ПДД, но было неуважение, которое не осознавалось как оскорбление, но все же чувствовалось. Малышев помедлил секунду, как будто ждал, что водитель сдаст назад на эти несколько метров и инцидент будет исчерпан. Но водитель продолжал сидеть в машине, не оглядываясь. Малышев видел его светлый стриженный затылок.

Он сам подошел к машине. Конечно, оставить без внимания то, что только что произошло, было нельзя. Поэтому Малышев не сразу подошел к кабине. Он остановился позади машины и наклонился, внимательно разглядывая номера. Не было никакой необходимости наклоняться — номера были отлично видны. 142 МР 35, номера волоковецкие, серия А. У ГАИ была четкая инструкция насчет этих номеров: их обладателей нельзя было останавливать и штра-

фовать даже при нарушении ПДД. Вот почему машина не остановилась рядом, а проехала дальше. Водитель тем самым дал понять свое отношение к тому, что его остановили. Сейчас будет грозить звонком начальству. Малышеву стало скучно.

Он выпрямился, обошел машину со стороны пассажирского места, еще раз остановился и зачем-то пару раз пнул переднее колесо. Не исключено, что это был поиск путей к отступлению. Он мог сказать этой шишке за рулем, что ему показалось, что спущено колесо. Но, конечно, колесо не было спущено. С колесом было все в порядке.

Малышев поднял глаза и посмотрел на водителя через переднее стекло. Понял, что водитель видит его насквозь. Это был не старый еще мужчина с узким лошадиным лицом и огромными, навывкате глазами. «Лупоглазый», — мелькнуло в голове слово из недочитанной когда-то книжки.

Малышев понял, что версия со спущенным колесом не проканает. Он вляпался. Оставалось подойти к водительской дверце и почти подобострастно наклониться вперед, отдавая честь.

— Сержант Малышев, — сказал он. Только после этого стекло опустилось.

Лупоглазый несколько секунд без всякого выражения смотрел на Малышева, потом глубоко вздохнул:

— Ваши документы.

Малышев как загипнотизированный левой рукой достал из нагрудного кармана удостоверение и раскрыл перед лупоглазым. Тот сделал ошибку — протянул руку, чтобы взять документ. В этот момент Малышев увидел золотые часы на его правом запястье. Блеск

золотого браслета вывел его из гипнотического состояния. Он отдернул руку с удостоверением. Лупоглазый удивленно посмотрел на него. Лицо Малышева было искажено яростью.

— Посмотрел? — Он задышался от злости. — Теперь покажи-ка свои документы.

Лупоглазый смотрел прямо в глаза Малышеву.

— Сержант, ты номера видел? — спросил он.

— Видел. — Малышев протянул руку. — Права и техпаспорт.

Лупоглазый выдержал паузу, потом покачал головой:

— Совсем люди страх потеряли.

Перегнулся через соседнее сиденье, достал из бардачка красное удостоверение с золотым гербовым тиснением.

— Что ты там бормочешь? Права и техпаспорт, я сказал.

Лупоглазый подал удостоверение Малышеву и попросил почти примирительно:

— Сержант, давай не будем усугублять.

В этот момент Малышев еще мог протянуть Лупоглазому его удостоверение, отдать честь и вернуться к созерцанию марева, но, к сожалению, последняя фраза, примирительная по содержанию, была произнесена оскорбительно покровительственным тоном.

Буквы плясали у Малышева перед глазами. Он едва сумел их сложить в слова «помощник депутата Государственной думы».

Малышев убрал удостоверение в нагрудный карман.

— Откройте багажник, — сказал он.

Лупоглазый криво усмехнулся:

— Seriously?

Вместо ответа Малышев развернулся и двинулся к багажнику.

— Перегрелся, сержант, — проворчал Лупоглазый, но протянул руку и нажал нужную кнопку. Крышка багажника щелкнула и приподнялась как раз в тот момент, когда Малышев подошел. Он подцепил крышку кончиками пальцев и открыл ее. В багажнике лежали полупрозрачная пластиковая канистра, черные резиновые сапоги и монтировка.

Через секунду Малышев шел к кабине. В руке покачивалась канистра. Через ручку канистры была продета монтировка, как будто Малышев боялся испачкаться. Внутри канистры бульхало.

Малышев поставил канистру на асфальт, аккуратно вынул монтировку и положил рядом. Лупоглазый смотрел на него со скучающим выражением лица.

— И что?

— А то, — торжествующе сказал Малышев. — Запрещено провозить в багажнике горючие и взрывчатые вещества.

— Слушай, сержант, хватит чудить, — Лупоглазый ронял слова без всякого выражения, — я тороплюсь. Ты уже достаточно накосячил, может, хватит? Покуражился — и будет. Верни мои вещи на место, и разойдемся миром.

— Провозить в багажнике горючие и взрывчатые вещества запрещено, — упрямо повторил Малышев.

— Мне в Волоковце сказали, что в Шиченге заправка не работает, а до Верховажья полного бака не хватает.

Малышев на секунду задумался.

— Я это изымаю. — Он кивнул на канистру.

АЛЕКСАНДР МОЛЧАНОВ

— Хорошо, — согласился Лупоглазый. — Теперь я могу ехать?

— Штраф заплатите и поезжайте.

— Что?

— Что слышал. Штраф. Пятьдесят тысяч.

Лупоглазый поднял стекло и повернул ключ зажигания.

Не нужно было этого делать.

2

Обычно Вера Зуева обедала на работе, в столовой на первом этаже районной администрации. Она была методистом спортивного комитета, а по вечерам вела баскетбольную секцию. В сочетании с основной работой это давало ей право круглый год ходить в ярко-красном спортивном костюме. Кажется, никто и никогда не оспаривал это ее право, и красное пятно привычно маячило на всех праздниках, митингах и даже слушаниях по бюджету и совещаниях в администрации.

Сегодня в обеденный перерыв Вера зашла домой, благо от администрации до ее квартиры в трехэтажном благоустроенном доме, где с середины 1980-х жила почти вся элита поселка, было пять минут спокойным шагом. Вере нужно было забрать кое-какие документы, а кроме того, она хотела проверить кое-что связанное с сыном. Было у нее некоторое подозрение, которое она раньше времени не хотела высказывать вслух.

Так или иначе, в 13.45, когда сын Веры, десятиклассник Алексей, вернулся из школы, она была еще дома. Стояла на кухне, листала документы и думала, что, в принципе, можно было бы забрать их и завтра. В дверях скрежетнул ключ, потом дернулась дверная ручка, и дверь распахнулась.

— Ни фиги себе, не заперто, — послышался голос Алексея.

— Видно, кто-то есть дома, — ответил Алексею женский голос.

Вера вздохнула с облегчением.

— Или папа с утра забыл дверь запереть. — Алексей заглянул в кухню. — О, мама, привет.

Алексей был худощавым юношей, темноволосым, с длинной челкой, спадающей на глаза. Глаза у него были мамины, серые, а губы отцовские — тонкие и капризные.

— Ботинкиними, наследить в коридоре, — сказала Вера, не оборачиваясь.

— А ты что, дома? — Он снял ботинки и одним пинком отправил их назад — через коридор к входной двери.

— Что за вопросы? Это мой дом. — Вера положила документы в черную спортивную сумку. — Не забудь пообедать. И Нину накорми, будь гостеприимным хозяином.

За спиной Алексея появилась высокая девушка в темно-зеленом платье. В руках она держала сине-золотой учебник Эккерсли по английскому языку.

— Здравствуйте, Вера Александровна.

— Привет, Нина. Как хорошо, что я тебя дождалась. Деньги за август отдам.

Нина пожала плечами.

— Можно было через Алешу. Спасибо, конечно.

Вера достала из сумки кошелек, отсчитала несколько купюр и положила на кухонный стол.

— В августе у вас восемь занятий было, правильно?

Нина стояла у двери, не отвечая и не подходя к столу. А Алексей как ни в чем не бывало прошел по кухне и по-хозяйски заглянул в кастрюлю на плите.

— Наверное, — сказала наконец Нина. — Не помню.

— Пообедайте. Там суп и котлеты на сковородке. Что в школе интересного?

— А что там может быть интересного, в этой дурацкой школе? — пожал плечами Алексей. — Мам, ты нас задерживаешь.

И Алексей, и Нина явно ждали, что Вера уйдет. Но она почему-то не уходила. Сама не могла себе объяснить почему. Вроде все прояснилось. Все ее подозрения, что Алексей на самом деле не занимается английским языком с Ниной Шаровой из 11-го «Б», а деньги, которые выделяются из семейного бюджета на неправильные глаголы и сложные времена, Алексей и Нина просто делят пополам, — все эти подозрения не подтвердились. Вот Алексей, вот Нина. В руках у Нины учебник Эккерсли. Вроде все идет по плану. Но что-то в этой картине тревожило Веру, и она не могла объяснить, что именно.

— Как там Анатолий Аркадьевич Мокин поживает? — Вера упорно пыталась продолжить разговор, который никак не хотел завязываться. — Нина, он у вас тоже преподает?

— Да, Вера Александровна, историю.

— Интересно?

— Ну так. Вчера Ницше нам читал.

— Кого?

— Ницше. Философа.

— Зачем?

Нина пожала плечами:

— Не знаю.

— Интересно?